

Кровавая неделя в Москве

Александр Моисеевич Атабемян

1917

Оглавление

Предисловие	3
В Замоскворецком районе	3
Как они произвели переворот	6
Их декреты	7
Кто виноват?	10

Предисловие

Наш кровавый век перевернул еще одну окровавленную страницу истории. Человечество, истекая кровью и безумно разоряясь, беспомощно мечется во власти еще не обузданных социальных законов. Но в общественной жизни, как и в мертвой природе, есть катастрофы неизбежные, есть и предотвратимые: землетрясение неизбежно, но удар молнии можно отвести.

В самом ли деле неизбежна была эта гражданская война в Москве? Кем она была разожжена? Во имя каких целей? Как она велась?

Ответить на все эти вопросы полностью — значит написать историю этой кошмарной, братоубийственной войны. Задача автора этих строк не так широка.

Я находился во время кровавой недели в Замоскворецком районе, в этом очаге большевизма, и хочу рассказать о виденном, слышанном и читанном в эти гнетущие дни и поделиться вызванными ими размышлениями. Пусть другие расскажут, что творилось в центре города и других районах.

Занимая по своим убеждениям позицию левее социал-демократов большевиков, быть может, моя оценка событий будет более беспристрастна, так как она будет судить не крайность целей, а средства для их достижения.

В Замоскворецком районе

В пятницу утром, 27 октября, когда я вышел с Курского вокзала (я был во временной отлучке), жизнь в Замоскворечьи по-внешнему текла обычным ходом, только бросалось в глаза отсутствие многих местных и петроградских газет, особенно больших либерально-буржуазных органов.

После полудня я зашел в Совет Московской Федерации анархических групп и тут впервые узнал, что анархисты «выступили» — захватили типографию «Московского листка» и еще заняли насильно, против чьей-то воли, «дежурный стол» и телефонный аппарат в Совете рабочих депутатов. Вызвав по телефону товарища А-ва, одного из редакторов «Анархии», дежурившего в Совете, я спросил о ходе событий. На вопрос товарища относительно моего мнения о выступлении, вспоминая петроградский захват типографии, откуда товарищей, охраняя от возбужденной толпы, вывели казаки, я ответил, что думаю: «опять сядем в калошу». И действительно, опять сели, но на этот раз, увы! в кровавую лужу, пролитую братской рукой по почину социалистов-государственников, захватчиков вечно проклятой власти

По приглашению товарища А-ва я тотчас же отправился в Совет, на Скобелевской площади, в надежде отговорить товарищей от дальнейшего участия в затеваемой гражданской войне.

Добрался туда в девятом часу вечера. На площади было большое оживление, кучки народа ждали чего-то, но общих выступлений ораторов не заметил. У входа в помещение Совета стоял караул из 7-8 молодых солдат, требовавших пропуск. Получив отказ провести меня к дежурному по «столу анархистов», я написал записку, которую взяли передать. Через минуту к входу подошел с моей запиской в руках молодой человек в сопровождении женщины небольшого роста, средних лет, и стал

почему-то спрашивать, где здесь фельдшер? Я назвал свою профессию врача (в записке о моей профессии не было указаний), и меня тотчас ввели в дом и с места в карьер стали предлагать организовать медицинскую помощь, выбрать более безопасное, подходящее помещение и т.п. Я им заметил, что пришел не за этим, но, по-моему, чтобы организовать серьезную помощь, лучше всего обратиться к готовому врачебно-санитарному аппарату города и предложил свое посредничество. Дама, оказавшаяся фельдшерницей, попросила: «Только нужно торопиться, телефоны прерваны и с часу на час может начаться атака».

Наскоро переговорив с товарищем прапорщиком С., заменившим А-ва за «столом анархистов», я пешком всякими обходными улицами, т.к. местами проход был запрещен патрулями юнкеров под командой молодых офицеров, отправился к городской думе. Тут царило не меньшее возбуждение, чем в бывшем генерал-губернаторском доме, и распорядившиеся у входа в думу молодые офицеры наотрез отказались пропустить меня или вызвать кого-либо из санитарного отдела, заявив, что никого нет.

На следующий день, 28 октября, в Замоскворечьи трамваи с утра не ходили. Позже, изредка стали появляться вагоны с флагами красного креста и замелькали автомобили с сестрами милосердия. Настроение чуть ли не у всех сестер было радостное, самодовольное, лица сияющие. По тротуарам ходили целыми группами молодые девушки с импровизированными повязками красного креста на рукавах — с наскоро нашитыми из красно-бурых лоскутков или просто намалеванными крестами. Некоторые поражали своей неряшливой одеждой, с грязным узелком в одном из карманов фартука и казалось, что если из другого кармана не вытаскивают и не шелкают семечки, то только потому, что их не продавали на улице.

Высыпала на улицу также «красная гвардия», с ружьями разных образцов, со штыками и без штыков, некоторые с револьверами, кое-кто с шашками, у одного я видел на боку даже мишурную чиновничью шпагу, по-видимому, «реквизированную» во время обыска.

У красной гвардии оружия оказалось недостаточно, и было сделано распоряжение обыскивать и отбирать оружие у частных лиц и даже обезоруживать домовые комитеты.

Красная гвардия почти сплошь состояла из подростков моложе досрочного призывного возраста, реже встречались лица 20–25 лет, иногда студенты, но ни одного солидного вооруженного рабочего не помню, чтобы встретил на улице.

Вид у красно-гвардейцев был занятой.

Позднее появились на улицах и вооруженные солдаты. То они стояли частыми постами в 2-3 человека, то сразу исчезали и там-сям оставались одиночные гвардейцы. Никакого энтузиазма у солдат; безучастно стояли они среди сновавшей публики, только местами собирались прохожие вокруг них и своими расспросами выпытывали их настроение и простецкое построение их беспомощной мысли.

Под грохот раздававшейся по временам орудийной пальбы и ружейных выстрелов народ, средний городской обыватель, пробегал по улицам, стоял по тротуарам в очередях в поисках пищи и печатного слова. Более запуганные стояли у своих ворот, не рискуя выйти далеко на улицу.

В первый день горожане еще решались вступать в осмотровый диспут со стоявшими на постах или фланировавшими солдатами, но после стали осторожнее, благоразумно замолкли. На углу Полянки и Спасоналивковской в результате такого разговора был избит солдатами штатский. Другого вели красно-гвардейцы, и он старался им объяснить, что «не так сказал». Многие студенты сняли свои формы, на улицах встречались офицера в штатском пальто, и только кокарда на фуражке указывала их звание. Изредка попадались арестованные офицера, их вели красногвардейцы. Впереди одного из арестованных шел молодой парень с повязкой красного креста на рукаве и револьвером в руке.

1 ноября, около часа дня, встретил автомобиль красного креста, быстро мчавшийся от Зацепы к Серпуховской площади; через открытую дверцу, из наваленной кучи трупов в чем-то сером, кажется, шинелях, свесилась окровавленная голова. Молодое, интеллигентное лицо, длинная шея «Должно быть, высокого роста», промелькнуло в голове.

На Зацепском валу, около дома № 16, у тротуара, большое пятно свежей крови, засыпанное желтым песком из вблизи находящейся кучи. В собравшейся группе прохожих толки:

— Жуликов убили, трех.

— Их было четверо.

— Один ворочался на земле, в упор четырьмя выстрелами из револьвера прикончили.

— Переодетые в солдат грабители... такие ходят по домам, как для обыска, а там — «давай бумажник»!

— Спросили документы, их не оказалось.

— Давно за ними ходили.

— С утра следили.

Пожилой, худой, бедно одетый интеллигент:

— Кто знает, кого убили?!

Серая обывательница:

— Разве можно так? Долго ли ошибиться?

В бюллетене Военно-революционного Комитета Замоскворецкого района от 3 ноября:

«На днях красной гвардией было расстреляно четверо погромщиков, застигнутых на месте преступления».

На месте преступления?

Но я был там, на месте происшествия, через пять минут, — никаких следов преступления, кроме убийства, не нашел. Кругом запертые дома, никаких разбитых лавок, никаких следов погрома.

Кого убили?

Общественная совесть должна требовать гласного расследования.

29 октября, после полудня, со стороны Кремля раздавался особенно усиленный оружейный грохот и с Краснохолмского моста виден был густой столб дыма от пожара.

Встретившийся тут 12-мальчуган крепыш из народа дал единственно верную оценку происходящему, оценку, ускользнувшую от целых политических партий:

«Русские русских так и прут».

Проходивший солидный рабочий добавил:

— Ай да свобода!

А накануне старуха в хвосте, в ожидании очереди, вздыхала:

— И скоро ли эта свобода ко-ончится?

Ближайшим осязательным последствием искусственно вызванной социал-демократами большевиками гражданской войны явился скачок дороговизны вверх и усиление городской хозяйственной разрухи.

4 ноября служащие почтамта отказались от работы, т.к. большевики пытались перлюстрировать корреспонденцию. За материальной разрухой идет разруха моральная.

3 ноября я стоял на Серпуховской площади в длинной очереди, охватившей двойным кольцом скверик, в ожидании единственных газет, их «Социал-Демократа» и «Известий». Только через два часа, около полудня, развернув листок, я узнал, что «они победили» и «мир» заключен. Два часа люди подходили, покупали газету, узнавали и молча уходили. Ни одного возгласа ликования, ни малейшей радости, ни простого желания поделиться исходом в тоске жданного конца...

Почему?

А потому, что совершилась не народная революция, а преступный партийный заговор.

В народе не было победителей, поэтому он весь день, молча, сумрачно сновал по улицам, и всматриваясь в лица, нельзя было угадать, кто победитель и кто побежденный.

Правда в том, что мы все были побеждены и стояли у груды еще не остывших трупов, бессмысленно, бесцельно, ненужно убитых товарищей, братьев... Так совершилось в смертной тоске за пережитое и с тревогой за завтрашний день братоубийственное восстание в Москве.

Как они произвели переворот

Первым необходимым условием для успешного выполнения преступного, кровавого заговора социал-демократов большевиков было погрузить народ во тьму неведения и укрыться самим от более могучего средства борьбы, чем грубая сила — от свободной критики. С 28 октября по 4 ноября ни один листок не-большевистской печати не проник в Замоскворецкий район^{1*}. Наверное, то же самое было во всем стане «победителей».

Это обстоятельство не остановило поток специфической брани по адресу своих противников со стороны зачинщиков кровавой гражданской войны. Вот образцы литературы этих вожаков народа к высшей стадии культуры, к социализму:

¹ Фанатизм отдельных большевиков доходил до того, что уже после «заключения мира» у знакомого товарища-врача Ф. вырвали из рук и уничтожили впервые появившийся номер «Труда».

«Каждое слово этих газет, — „пишет Социал-Демократ“ в № 198 и перечисляет эти газеты („Дело Народа“, „Воля Народа“, „Рабочая Газета“, „Народное Слово“, „Солдатский Крик“, и проч. — сколько у них противников!) — написано слюной бешеной собаки».

«Меньшевики-оборонцы пускаются на уловки черносотенных хулиганов. Питерские черносотенцы одно время стали было издавать газету „Народная Правда“, чтобы светлым именем „Правды“ прикрыть свою липкую и вонючую грязь» (№ 199 «Социал-Демократа»).

Лучше бросим дальше цитировать...

Только 4 ноября в Замоскворечьи появился тощий полулист «Труда» с огненными статьями «Они победили!» и «Преступления большевиков».

Но преступление, самое тяжкое, самое непоправимое из них — пролитие крови: с одной стороны рабочих, детей моложе досрочного призывного возраста, детей, вооруженных преступной рукой вожаков и прозванных торжественно «красной гвардией», и с другой — «толпы мальчиков-юнкеров, мальчиков-студентов и гимназистов», как их прозвали сами «Известия Московского Военно-Революционного Комитета» (№ 1, от 3 ноября), это преступление, это «избиение младенцев» было завершено.

Я верю, что если бы темные силы социал-демократического большевизма не учинили погрома всей прессы, особенно социалистической, то возможно, что солдаты не были бы втянуты в борьбу молодым задором красногвардейцев, события развились бы более медленным темпом, и переворот, если действительно он назрел, произошел бы бескровно. Мы все видели московский гарнизон на улицах, в калошных очередях, в табачных очередях, торгующим всем, — и казенным, вплоть до ружей, и своим — спекулирующим в розницу на вокзалах, на рынках, на улицах. Даже в разгаре гражданской войны я видел солдат, продававших у Таганской площади хлеб, шерстяные перчатки, валенки. За исключением незначительного меньшинства, трудно в них предположить идейность даже большевистского пошиба.

Потушив огни здравого разума и свободной критики, социал-демократы большевики стали усиленно муссировать мнимое приведение в исполнение своих лозунгов: декреты об учредительном собрании, о земле, о мире, об отмене смертной казни, о социальном страховании и т.п.

Их декреты

Распадение современного строя быстрым ходом близится к концу; мировая война наносит последние решительные удары по самым основам современного уклада общественной жизни — частной собственности и государственной власти. Человечество в потемках ищет дорогу к назревшим более высоким порядкам этической и экономической жизни.

В это революционное брожение строительства лучшего будущего социалисты-государственники влили яд разложения отживающей власти. Все они уверили народ, что вне рамок государственности нет спасения, что только власть, и то только в их руках, может привести народ в обетованную землю социализма.

Чтобы строить новую жизнь, нужна планомерная революционная работа, а для того, чтобы захватить власть — достаточно наобещать побольше благ доверчивому народу.

Лозунги большевиков — это зарево назревшей общественной перестройки; их средства — отжившая государственность. Негодным оружием они затеяли завоевать новый лучший мир. Народ ринулся к блеснувшей надежде осуществления заветных желаний через трупы своих менее пылких братьев.

Лозунги большевиков — здоровые идеалы народа; их средства для осуществления — лживые декреты.

Декрет об Учредительном Собрании, это — уворованная у бывшего правительства подготовка выборов. Кто мало-мальски знаком с теми принципиальными и техническими затруднениями, с которыми встретилось Временное Правительство при разработке «Положения о выборах в Учредительное Собрание» для согласования стремления многочисленных народностей быть полнее представленными в Учредительном Собрании, для практической организации техники выборов от культурных центров до полудиких кочевых племен, тот должен удивляться не тому, что выборы в Учредительное Собрание до сих пор откладывались, а смелости Керенского, решившего во что бы то ни стало провести выборы в ноябре при, быть может, еще не вполне законченной их подготовке.

А Ульянов-Ленин, видите ли, в три дня пришел, увидел и «декретировал» долгожданное Учредительное Собрание!

Они не ускорили, а сорвали выборы в Учредительное Собрание, они продлили в народе иллюзию, будто Учредительное Собрание в сила дать ему то, чего нет в жизни — организованный порядок. Изверившись в «новом хозяине земли русской», как бы народ не повернулся к «старому хозяину».

И некому народу объяснить, что общественный строй, как и здание, закладывается с фундамента, с вольной общины, а не сверху!

Декрет о земле, это фарс, рассчитанный для воздействия на малограмотный темный народ. В первом параграфе говорится, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», а из четвертого явствует, что это — мера временная, что окончательное решение земельных преобразований зависит от Учредительного Собрания.

Дальше «для руководства по осуществлению великих земельных преобразований» декретируется как закон запутанная газетная статья из № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов».

Газетный компилятор в роли Учредительного Собрания, вот сверх-демократизм идеологов диктатуры пролетариата, еще вчера бесплодно слонявшихся по улицам заграничных городов и проехавших к нам милостью германского самодержца для «декретирования» путаницы в нашей жизни, в руку германскому милитаризму.

Но что гласит газетная статья, «объявленная временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно»? Газетная статья-закон, провозглашенная декретом, «как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России» гласит, что вся земля, не исключая и крестьянской, обращается «во всенародное достояние», никаких изъятий в нем нет относительно земли «рядовых крестьян и рядовых казаков».

Таким беззастенчивым обманом воздействуют захватчики власти на темные крестьянские массы в серых шинелях, чтобы разжечь и раздуть братоубийственную войну.

И некому объяснить им, что земля, как и свобода, не дается, а берется, что это нужно сделать миром, и чем организованнее будет это сделано, чем меньше будет насилий над людьми, над теми же помещиками, тем спокойнее будет совесть трудового народа, вступающего в свои права!

Декрет о мире!.. Вчера они раздували энтузиазм обещанием немедленного мира, сегодня они говорят только, что «предлагают всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». Свое путаное предложение эти безграмотные люди прозвали декретом (указом) о мире. Как будто Ульянов-Ленин с Бронштейном-Троцким всемогущи предписать правительствам Вильгельма и всех других государств и всем народам свои условия мира!

И чем мы их заставим принять наш мир, демократический мир, а не навязать империалистический мир с аннексиями, с контрибуциями, с порабощением народов? Нашей слабостью? Нашей дезорганизованностью? Или угрозой сепаратного мира? Но ведь ясно, что союзники и без нас, с Америкой вместо нас, продолжают войну. И тогда это будет не сепаратный мир, а позорный союз русского народа с германским милитаризмом и перенесение войны на новый фронт.

Люди, пролившие кровь родного народа в гражданской войне для низвержения соглашательства со своей беспомощной либеральной буржуазией, вступают сами в соглашательства с мощной германской реакционной и милитаристской буржуазией.

И некому объяснить народу, что единственный путь для достижения столь желанного справедливого мира, это организовать борьбу не только с внутренним капитализмом, но и с внешним милитаризмом!

Разве к этому приглашают большевики у власти? Разве поднимают они народное ополчение против злейшего врага мира, тевтонского милитаризма, после низвержения нашего внутреннего абсолютизма? А ведь без этого никакая сепаратная социальная революция невозможна.

Декрет об отмене смертной казни, их декрет, это массовые убийства в гражданской войне своих же кровных братьев, после заявления Керенского, что ни один смертный приговор не будет им подписан.

Правительственное сообщение о социальном страховании наемных рабочих, а также городской и сельской бедноты гласит, что все расходы по страхованию возложатся целиком на предпринимателей. Но кто предприниматели городской и сельской бедноты?

Они обещали еще народу хлеб. Какими средствами? Их «военно-революционный комитет в Петрограде предложил всем служащим экспедиции заготовления государственных бумаг не оставлять своих работ», возвестила одна телеграмма.

Соловья баснями, а народ бумажным хламом обанкротившейся государственности не кормят. Нужно организовать производство и обмен руками самих рабочих, без хозяев. А разве внезапным политическим переворотом это делается?

И некому объяснить народу, что не бесполезным преступным пролитием братской крови, не во время гражданской войны за захват власти совершается социальная

революция, а организованным переходом производства в руки трудового народа, без власти, в политической анархии!

Кто виноват?

За неделю крови в Москве погибла не одна тысяча молодых человеческих жизней. Подсчет жертв еще не произведен. Молодой товарищ-врач, работавший все эти кровавые дни в центре и разъезжавший на автомобиле во все районы для оказания первой помощи раненым, говорил мне, что число жертв из бойцов определяют в две тысячи, кроме неизбежных в городской войне случайно убитых граждан, женщин и детей.

Кто виновник этой братоубийственной бойни, вызванной распрями между социалистами двух разных толков? Как могла рука брата подняться на брата?

Ведь нелепо эс.-эровскую городскую думу, во главе с Рудневым и Минором, клеймить «предателями, изменниками народа, защитниками московских толстосумов», как это пытаются изобразить социал-демократы большевики.

А виноваты в этом одна теория и одна категория людей.

Теория, это та самая, которая делит человечество на два класса, как учитель делит земной шар экватором на две половины. Это — грубая теория, претендующая на научность в интеллекте узких сектантов. Да, научная, но приспособленная для разума ограниченных умов, для кругозора примитивного человека. Этой теорией бряцают уже несколько десятков лет социалисты всех школ, от анархистов до крайних централистов-государственников. После февральской революции наша пропаганда широко разлилась. Результаты налицо. Мы создали в нашем темном народе классовую борьбу, выродившуюся зоологическую борьбу по внешним признакам: серой шинели против золоченых погон, платочка против шляпки, рабочей куртки против сюртука.

Благодаря этой теории социал-демократам большевикам удалось разжечь ненависть между членами одной и той же семьи, организовать обстрел народных представителей — членов социалистической думы, назвать сплотившуюся вокруг них молодежь и юнкеров 29-го октября «сыновьями фабрикантов, домовладельцев, спекулянтов» (Листок Соц.-Демократа, 29 окт.), а 3-го ноября, после позорной победы, признать их «мальчиками-юнкерами, мальчиками-студентами и гимназистами» (Извест. М. В.-Р. Комитета, № 1)^{2*}.

А кто те люди, которые разожгли эту ненужную, не необходимую, а потому преступную гражданскую войну?

Это та часть интеллигенции, та эмигрантская и ссыльная интеллигенция, которая, едва вернувшись на родину, ринулась на еще теплые места царских бюрократов, но званых оказалось больше, чем избранных, и многие остались «не у дел». Редки,

² В Александровском военном училище 25% юнкеров составляют вернувшиеся с фронта нижние чины для получения лучшей военной подготовки. Во всех остальных школах по минимальной оценке более 50% — учащаяся молодежь из 4-го и 5-го классов, которых стесненные материальные обстоятельства или энтузиазм любви к родине оторвали от общего образования, — станет ли эгоистичная крупная буржуазия направлять своих детей на самое опасное военное поприще?

исключительны были Кропоткины, которые сами отказались от министерских портфель, от должностей посланников, от комедии выборов. Все остальные, честолюбцы и завистники, повели систематическую осаду министерских кресел, стали изо дня в день выливать в темные народные массы и в сознание зеленой молодежи яд своей бульварной фразеологии, своих бездарных писаний, где рассчитанные на эффект слова заменяют чувство, выкрик — энтузиазм, пережеванная фраза — науку.

Да, жестоко отомстило самодержавие за себя, руками своих же полу-жертв!

Примечания

В Петрограде, во время этой гражданской войны, погибли, в числе многих других, два юнкера, товарищи моего сына реалиста, оба — дети учителей.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Кровавая неделя в Москве
1917

Скопировано 24 ноября 2014 года с <http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/B/02.htm>

ru.theanarchistlibrary.org